

Степанченко Сергей Павлович,
Студент Юридического института,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Митрофанова Мария Александровна,
Студент Юридического института,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Научный руководитель:
Перемышленникова Инна Николаевна,
ассистент кафедры гражданского и процессуального права,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

АВТОНОМИЯ ВОЛИ СТОРОН В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ: ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится анализ фундаментального принципа международного частного права – автономия воли сторон, рассматривая как правовой инструмент обеспечения предсказуемости и гибкости трансграничного коммерческого оборота. Автор исследует дуалистическую природу данного принципа, который выступает одновременно коллизионной привязкой и проявлением частнопредварительной свободы. Особое внимание уделяется механизмам ограничения автономии воли, в частности, как оговорка о публичном порядке и нормы непосредственного применения. В научной работе устанавливаются проблемы, сопряженные с неопределенностью критериев «публичного порядка» и защитой слабой стороны в договоре, а также предлагаются пути модернизации законодательства через гармонизацию национальных стандартов и внедрение международных принципов выбора права.

Ключевые слова: Автономия воли сторон, трансграничные коммерческие договоры, сверхимперативные нормы, оговорка о публичном порядке, Гаагские принципы выбора права, транснациональный коммерческий оборот.

Автономия воли сторон в классическом понимании признается «краеугольным камнем» современного международного частного права (далее – МЧП), предоставляя участникам трансграничных правоотношений уникальную возможность самостоятельно устанавливать правопорядок, который будет регламентировать их взаимные обязательства.

Данный принцип, который в свое время получил закрепление в ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и большинстве зарубежных кодификаций, выступает в роли основного инструмента, направленного на минимизацию правовых рисков и обеспечение транзакционной стабильности [1].

Однако в современной юридической науке и практике остро стоит вопрос о границах данной свободы, так как абсолютизация воли участников частного соглашения не должна приводить к игнорированию публичных интересов государств и нарушению основ правопорядка.

Необходимо сказать, что автономия воли не носит безграничный характер, наоборот, она функционирует в рамках сложной системы сдержек и противовесов, где сталкиваются частная инициатива и суверенная воля государства.

Фундаментальным ограничением выступает институт «сверхимперативных норм» или норм непосредственного применения, которые в силу своей специфической значимости для защиты политической, социальной или экономической организации государства подлежат применению вне зависимости от того, какое право выбрали стороны [2, с. 169]. К ним, прежде всего, относятся правила:

- о валютном контроле,
- об антимонопольном регулировании,
- о защите прав потребителей и трудовых стандартов.

Основная проблема в данном аспекте состоит в отсутствии четко выстроенного законодательного перечня таких норм, что порождает за собой широкое судебское усмотрение и непредсказуемость судебных решений, когда национальные суды «маркируют» стандартные императивные нормы как сверхимперативные, стремясь защитить внутренних резидентов.

Другим ключевым пределом автономии воли является оговорка о публичном порядке, которая позволяет судебному органу прямо отказать от применения выбранного сторонами зарубежного права, если его последствия явным образом противоречат основам правовой системы государства суда [3, с. 29]. В данном аспекте кроется значимая практическая проблема, которая заключается в том, что понятие «публичного порядка» обуславливается высокой степенью абстрактности и «каучуковым» характером, что часто используется государствами как инструмент скрытого протекционизма.

Ситуация также осложняется и в вопросах защиты «слабой стороны», а именно потребителей, работников, застрахованных лиц. Стоит сказать, что для данной категории автономия воли в значительной степени сужена или вовсе исключена коллизионными нормами, для того чтобы предотвратить навязывание более сильным контрагентом права «благоприятной гавани», которая лишает человека минимальных социальных гарантий.

Еще одной актуальной проблемой в правовой регламентации остается вопрос «связи» выбранного права непосредственно с договором. Если ранее большинство юрисдикций требовали наличия реальной связи, к примеру местонахождения одной из сторон договора, то в настоящее время выбор падает на «нейтральный» правопорядок [4, с. 69].

Однако неопределенность в допустимости такого выбора в некоторых консервативных юрисдикциях формирует серьезные барьеры для развития и функционирования международного бизнеса.

Пути решения установленных проблем в современном мире представляются в нескольких направлениях.

Во-первых, необходима более детальная легальная конкретизация критериев сверхимперативности на уровне национальных законов и высших судебных инстанций для того, чтобы ограничить необоснованное расширение данного института.

Во-вторых, фундаментальным вектором в обязательном порядке должна стать международная гармонизация подходов к пониманию публичного порядка [5, с. 560]. Данное возможно через принятие подходов к пониманию публичного порядка, которые не подлежат нарушению.

В-третьих, наиболее актуальным и перспективным представляется широкое внедрение «Гаагских принципов выбора права в международных коммерческих договорах» 2015 г., которые предлагают более сбалансированную модель автономии воли, которая освобождена от жестких требований территориальной связи, но в то же время защищенную ясными процедурными рамками.

В условиях цифровизации и появлении самрт-контрактов, которые не имеют физической локации, автономия воли становится единственным жизнеспособным способом установления правовой судьбы трансакций, что требует перехода от территориального к функциональному пониманию коллизионного регулирования.

Реформа МЧП строго должна быть ориентирована на формирование такой среды, где воля сторон будет признаваться первичным источником права, а вмешательство со стороны государства ограничивалось бы только исключительными случаями защиты основных ценностей, что позволит сохранить баланс между свободой контрактов и правовой стабильностью мирового сообщества.

Таким образом, автономия воли до настоящего времени остается стремительно развивающимся институтом, который требует постоянного переосмысления в аспектах глобализации и защиты прав человека в частных отношениях.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: в ред. от 31 июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
2. Макаров, А. Н. Основные начала международного частного права: монография / А.Н. Макаров. – М., 2009. – 184 с.
3. Толочко, О.Н. Принципы международного частного права / О.Н. Толочко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. –2001. – № 2. – С. 24-26.
4. Толстых, В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В.Л. Толстых. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 690 с.
5. Кудрявцева, Л.В. Правовой статус иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации / Л.В. Кудрявцева // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4. – № 5. – С. 559–567.

